

Европа. Международный альманах.
Тюмень, 2005. Вып. 5. С.101-113.

Когда речь заходит об идеологии и деятельности роялистов в годы Французской революции XVIII века (особенно после падения в 1792 г. королевской власти и последовавшей за ней казни Людовика XVI), первым делом обычно упоминается о том, что приверженцы монархии отнюдь не были едины. И это действительно так, однако не может не удивлять, что в многочисленных трудах, посвященных истории контрреволюции и эмиграции, до сих пор не сделано попытки более или менее полно и убедительно классифицировать различные течения, существовавшие среди роялистов в то время. Даже авторы новейших работ по данным сюжетам либо в принципе обходят данный вопрос¹, либо лаконично отмечают сам факт².

На мой взгляд, в значительной степени это объясняется сложностью самой задачи. Эти течения – в той или иной степени ярко выраженные, автономные и нетерпимые по отношению к остальным, – далеко не всегда поддаются четкой классификации, хотя бы потому, что их сторонники нередко переходили из одного лагеря в другой или же не выражали свои взгляды достаточно явно, чтобы по прошествии времени их было легко идентифицировать. Не облегчает работу историков и богатство палитры контрреволюционного движения. Так, например, одна из французских газет в 1795 г. сообщала своим читателям³, что роялисты «разделены на пять групп. Самая большая требует короля конституционного, герцога Шартрского⁴. Самая активная требует короля иностранного, герцога Йоркского⁵. Самая элегантная требует короля абсолютного, графа д'Артуа⁶. Самая боевая требует короля воинственного, принца Конде⁷. Наиболее приверженная принципам требует короля легитимного, Месье»⁸.

Едва ли автор этих строк корректно оценивает политический вес претендентов на престол: пользовавшийся хорошо оплаченной поддержкой ряда публицистов накануне и в начале Революции, в 1795 г. орлеанизм уже не столько доминировал, сколько вызывал интерес (наряду с другими вариантами) у той части французских политиков, которая стремилась оставаться у власти и впредь, примирив старые и новые политические элиты⁹. С другой стороны, хотя разнообразие претендентов, несомненно, не способствовало ни единству, ни успеху роялистов, все же четверо из пяти упомянутых здесь принцев (а к ним вполне можно добавить и других – скажем, Генриха Прусского¹⁰, австрийского эрцгерцога Карла¹¹ и испанских Бурбонов) были относительно

Статья подготовлена при поддержке РГНФ, проект № 04-01-00268.

¹ Как, например, это сделал Г. де Дизбах, автор весьма объемного труда «История эмиграции» (*Diesbach G. de. Histoire de l'émigration. 1789-1814. P., 1998*).

² См., например: *Petitfrère C. Royalisme/Royalistes // Soboul A. Dictionnaire historique de la Révolution française. P., 1989. P. 941-942.*

³ *Le Censeur des journaux. 17 fructidor an III (3 septembre 1795). N 7. P. 2.*

⁴ Луи-Филипп, герцог Шартрский (1773-1850) – старший сын герцога Орлеанского (Филиппа Эгалитэ), будущий король Франции (1830-1848). Газета называет его тем титулом, который он носил при Старом порядке и в начале Революции; на самом же деле после казни отца в ноябре 1793 г. Луи-Филиппа правильнее было бы называть герцогом Орлеанским.

⁵ Фредерик Август, герцог Йоркский (1763-1827) – второй сын английского короля Георга III. В 1793-1795 гг. командовал в войнах во Фландрии английскими войсками, сражавшимися против революционной Франции.

⁶ Шарль Филипп, граф д'Артуа (1757-1836) – младший брат Людовика XVI, в будущем король Франции Карл X (1824-1830). С лета 1789 г. в эмиграции.

⁷ Луи Жозеф де Бурбон, принц де Конде (1736-1818). Вскоре после 14 июля 1789 г. в эмиграции. Организовал и возглавил в германских землях сражавшуюся с Революцией армию эмигрантов.

⁸ Месье – титул Людовика-Станисласа Ксавье, графа Прованского (1755-1824), брата Людовика XVI. Впоследствии король Франции Людовик XVIII (1795-1824).

⁹ Подробнее об этом стремлении см.: *Бовыкин Д.Ю. Год 1795: несостоявшаяся реставрация // Французский ежегодник. 2003. М., 2003. С. 54 и след.*

¹⁰ Фридрих Генрих Людвиг Гогенцоллерн (1726-1802) – младший брат Фридриха II Прусского, полководец, был известен симпатиями к Франции и французскому образу жизни.

маргинальными кандидатами на занятие французского трона: большинство роялистов поддерживали именно «короля легитимного», которым летом 1795 г. после официального объявления о смерти Людовика XVII становится Людовик XVIII.

Причиной этого были отнюдь не особые человеческие качества законного претендента на престол или большая вероятность занятия трона именно им: подобно тому, как король, согласно фундаментальным законам французской монархии, не мог выбирать себе наследника, так и истинные роялисты не могли выбирать себе государя – законный король всегда был лишь один. До времени Луи-Филиппа, когда эти фундаментальные законы многим стали казаться пережитком, оставалось еще далеко. Соответственно, у тех роялистов, которых не устраивала программа или деятельность монарха, не было иного выхода, кроме как пытаться своими советами, меморандумами, проектами и письмами воздействовать либо на него самого, либо на его ближайшее окружение – отсюда то количество документов подобного рода, которые постоянно поступали в секретариат Людовика XVIII.

В то же время, если обратиться к историографии контрреволюционного движения, то выяснится, что для авторов работ по истории роялизма водораздел проходит отнюдь не между группировками, поддерживавшими различных претендентов на престол, а между конституционными монархистами и сторонниками «абсолютной монархии». Первые нередко воплощаются в образе монаршьенов (*«monarchiens»*), как в годы Учредительного собрания стали называть приверженцев конституционной монархии по английскому образцу, группировавшихся вокруг депутатов Генеральных штатов Ж. Мунье, П.В. Малуэ, Т.Ж. Лалли-Толандаля, Ф.Д. Монлозье и популярного журналиста Ж. Малле дю Пана. Вторые – в образе «непримиримого приверженца абсолютистского режима»¹ Людовика XVIII, его брата графа д'Артуа и роялистов, группировавшихся вокруг них. Доводя это противопоставление до логического завершения, А. Матъез даже писал, что конституционные монархисты «были едины в неприятии Людовика XVIII и господства эмигрантов»² – словно значительная часть конституционных монархистов сама не пребывала при этом в эмиграции. Развивая эту мысль, Д. Воронов отмечал: «Расхождение между эмиграцией, где доминировало абсолютистское течение, и находившимися внутри страны умеренными монархистами [...] было очевидным»³. Ж. Годшо, признанный специалист по истории контрреволюционного движения, был более осторожен, однако и он отмечал, что «"монаршьены" и абсолютисты сражались с Революцией с мыслью установить, в случае победы, режим, соответствующий той доктрине, которую они предпочитали. Однако эти доктринальные разногласия препятствовали единству контрреволюционного движения и нередко становились причиной его поражения»⁴.

Что же на самом деле кроется за этим столь устойчивым противопоставлением, если и те, и другие в большинстве своем признавали государем Людовика XVII, а затем и Людовика XVIII? Было ли оно реальностью, или перед нами лишь еще один связанный с Революцией миф? Проведенные в последние годы исследования по идеологии монаршьенов⁵ заставляют задуматься о том, в какой мере их теории действительно противоречили взглядам Людовика XVIII, и обратиться к изучению взаимоотношений легитимистов⁶ с конституционными монархистами.

Одной из самых сложных проблем этих взаимоотношений было неприятие на личном уровне. Для Людовика XVIII и многих из его окружения конституционалисты были людьми, немало поспособствовавшими крушению Старого порядка. Призывая к переменам до Революции, выступая с трибуны Учредительного собрания, голосуя за ограничение королевской власти, поддерживая Людовика XVI в его стремлении найти

---

¹ Манфред А. Э. Великая французская революция. М., 1983. С. 203.

² Mathiez A. Le Directoire. P., 1934. P. 244.

³ Woronoff D. La République bourgeoise de Thermidor à Brumaire. 1794-1799. P., 1972. P. 35-36.

⁴ Godechot J. La contre-révolution. 1789-1804. P., 1984. P. 408.

⁵ Сергиенко В.Ю. Французская революция глазами конституционных монархистов (опыт эмиграции) // Французский Ежегодник. 2001. М., 2001; Она же. Французские конституционные монархисты в эмиграции: группа Мунье, Малуэ, Малле дю Пана в 1794-1795 гг. // Всеобщая история. Современные исследования. Брянск, 2002. Вып. 11; Она же. Конституционные монархисты-эмигранты времен Французской революции конца XVIII века // Новая и новейшая история. 2003. № 5.

⁶ При определении различных группировок приверженцев монархии неизбежна терминологическая путаница, поскольку современники, как правило, относительно четко выделяли лишь разнообразные течения среди сторонников других династий (например, «орлеанисты») и сторонников конституционной монархии, называя тех «конституционалисты», «монаршьены», «англоманы» и т.д. Слово «роялисты» обозначало как всех, выступавших за монархию, так и тех, кто поддерживал законного государя. Полностью осознавая, что термин «легитимисты» появился лишь после 1830 г. и обозначал приверженцев старшей ветви Бурбонов, я, тем не менее, употребляю его в статье для обозначения сторонников одновременно и законного короля, и традиционной формы монархии, поскольку распространенный во французской историографии термин «абсолютисты» в равной мере является анахронизмом (он возник только в 20-е годы XIX в.) и несет на себе дополнительную идеологическую нагрузку (тогда как приверженцы Людовика XVIII в реальности не выступали за абсолютную власть короля).

компромисс с Революцией, а порой и сотрудничая с новыми властями, они зачастую воспринимались легитимистами, как предатели, погубившие, ради своих амбиций, тысячелетнюю монархию. Как иронично заметил один из современников, лучшими роялистами были те, кто первыми покинул своего короля¹. В Кобленце, где находился штаб Конде, пели: «Чтобы разделать якобинцев // И других мерзавцев – фейянов. // Господа, каковы ваши методы? // Пушки для одних, палки для других». Сходное отношение порой выражали даже к Людовику XVI, особенно после того, как он согласился принять Конституцию. Находившийся в эмиграции архиепископ Оша восклицал в начале 1792 г.: «Бедняга Людовик XVI! Он заслужил свою судьбу»².

Нередко легитимисты не брали себе за труд скрывать свои чувства. Герцог де ля Фар³, ставший впоследствии доверенным лицом графа Прованского, вспоминал, что с 1791 по 1794 гг. тот даже не отвечал ему на письма, считая, что герцог связан с конституционными монархистами, в частности, с Ламетами⁴. Граф д'Артуа как-то при встрече прямо заявил Монлозье: «Вы не раз писали глупости!»⁵ Граф д'Антрэг⁶ полагал, что авторы клятвы в Зале для игры в мяч⁷ – «главные цареубийцы, более виновные, чем якобинцы и недостойные прощения»⁸. Малле дю Пан рассказывал, что тот якобы обронил следующую фразу: «Монлозье считает меня беспощадным, и он прав. Я стану Маратом контрреволюции, я заставлю упасть сотню тысяч голов – и его первой»⁹. Граф де Ферран¹⁰ заявлял, что «г-н Малузэ, хотя он и честный человек, заслуживает того, чтобы быть повешенным, принимая во внимание, что необходимо показать этому классу пример наказания, которого заслуживают опасные воззрения»¹¹.

Конституционные монархисты зачастую воспринимались и как политические флюгеры, не имеющие никаких твердых убеждений, стремящиеся лишь не оказаться на обочине при очередном переделе власти. Когда в 1796 г. они стали выступать за окончание войны, графу д'Антрэгу доносили, что «все мошенники конституционные монархисты выступают за мир. Они считают его полезным для своих проектов. Они всем говорят, что никто больше не вспоминает о Конституции 1789 г.»¹². Годом позже один из агентов Людовика XVIII, некто Мезьер, докладывал своему государю о тайных переговорах, имевших своей целью реставрацию во Франции конституционной монархии, в которых участвовали посланцы признавших Республику держав:

«Новаторы 1790 года, эти бесстыдные революционеры, положившие начало свержению Алтаря и Трона, также доведены к своему стыду до того, чтобы принимать участие в восстановлении *монархии*. Им даже не по нраву их собственное творение, Конституция 1790 года, из их цареубийственных рук должна выйти *Конституционная хартия*»¹³.

При желании в архивах и в историографии можно найти немало аналогичных высказываний. Со своей стороны, конституционные монархисты не питали особого уважения к Людовику XVIII, и тому было немало причин. Как отмечал один из его биографов, «в 1789 г. он без колебаний пожертвовал бы Людовиком XVI, чтобы занять его место; своими действиями в Кобленце он спровоцировал 10 августа. Присоединившись к действиям [герцога] Брауншвейгского, он сделал казнь короля неизбежной; спровоцировав восстания в Лионе, высадку

---

¹ Diesbach G. de. Op. cit. P. 17. В этой фразе содержится явный намек и на графа д'Артуа, отправившегося в эмиграцию в ночь с 16 на 17 июля 1789 г.

² Цит. по: Vidalenc J. Les émigrés français. 1789-1825. Caen, 1963. P. 384, 385.

³ Анн-Луи-Анри, герцог де ля Фар (1752–1829) – епископ Нанси (1787), член ассамблеи нотаблей (1787), депутат Генеральных штатов от духовенства, с 1791 г. в эмиграции.

⁴ Archives Nationales. 198 AP 4. Doss. 4. P. 11.

⁵ На что Монлозье ответил: «Мне нередко приходится их слышать». Цит. по: Lucas-Dubreton J. Le comte d'Artois. Charles X. Le prince, l'émigré, le roi. P., 1962. P. 77.

⁶ Луи Эмманюэль Анри Александр де Лонэ, граф д'Антрэг (1753-1812) – депутат Генеральных штатов от дворянства, эмигрант, доверенное лицо графа Прованского.

⁷ 20 июня 1789 г. по инициативе Мунье депутаты Генеральных штатов, собравшиеся в Зале для игры в мяч, приняли составленную А. Барнавом и И. Ле Шапелье клятву не расходиться, пока не будет выработана конституция.

⁸ Цит по.: Thureau-Dangin P. Royalistes et républicains. P., 1874. P. 52.

⁹ Ibidem.

¹⁰ Антуан-Франсуа-Клод, граф де Ферран (1751-1825) – эмигрант с 1789 г., после Реставрации член Совета Людовика XVIII, поэт, историк, драматург, член Академии.

¹¹ Цит по.: Thureau-Dangin P. Op. cit. P. 51-52.

¹² [Las Casas à Antraigues. 1796] 19 avril 1796 // Archives du Ministère des Affaires Etrangères. Mémoires et documents. France (далее. – МАЕ). 639. 1793-1811. F. 12.

¹³ De la Charte Constitutionnelle. Mars 1797. Blanckenbourg, 31 mars 1797 // МАЕ. 617. 1797-1805. F. 26. Очевидно, Мезьер запамätывал, что Конституция была принята не в 1790, а в 1791 г.

англичан в Тулоне, вступление Конде в Эльзас, он стал причиной вынесенного королеве приговора»¹. В этих словах немало преувеличений, однако в них немало и правды.

С точки зрения конституционных монархистов, многие легитимисты были людьми косными и упрямыми и, что гораздо хуже, их советы мешали Людовику XVIII принимать правильные решения. Отчаявшись донести свои мысли до окружения государя, Малле дю Пан как-то в отчаянии воскликнул: «Если король думает по-иному, он закончит как царь Сидона, став садовником... Восстановленная монархия будет не про вас; вы будете отвергнуты как теми, кто возродит ее, так и теми, кто ее уничтожил, и Его Величество проведет вместе с вами в ссылке еще долгие годы...»². Другие конституционалисты были сходного мнения. Вот, например, как писал об этом Малле из Лондона шевалье де Пана³:

«Вы часто говорите нам о безумии Вероны. Увы, мой дорогой друг, это безумие всеобщее и неизлечимо. Сколь же вы обманываете себя, полагая, что при дворе брата есть хоть немного разума; мы видим всё это вблизи и страдаем. Все неисправимы; никто не может ничего забыть и чему-либо научиться. Все вожди аристократии, все влиятельные люди с лихвой перекрывают идеи Кобленца. Таким образом, надеяться не на что. Ход событий, несомненно, вернет монархию, но никогда Людовика XVIII. Дурные советники этого принца ускоряют уничтожение его древнего дома; они обречены, и он потянет за собой всех этих неизменно слепых людей, служащих и жертвами, и примером»⁴.

Фраза именно из этого письма де Пана впоследствии превратится в знаменитый афоризм о том, что «Бурбоны ничего не забыли и ничему не научились». Людовик XVIII переезжает из Вероны в Бланкенбург, но для монаршьяков мало что меняется. «Известно, что там нет ни одного разумного человека, – с грустью делится Малюэ с Малле дю Паном, – любящего свою страну и своего короля и могущего с пользой им послужить; нечего ожидать от их советов, агентов, их системы и планов»⁵.

На первый взгляд кажется, будто конституционные монархисты и легитимисты действительно являлись двумя непримиримыми группировками, между которыми было возможно лишь соперничество. Но, тем не менее, и те, и другие чем дальше, тем больше демонстрировали стремление к примирению и единству.

С одной стороны, конституционные монархисты осознавали свою слабость – действуя в отрыве от основных сил роялистов, а нередко и наперекор им, они хорошо чувствовали, насколько ограничены их возможности. Малюэ жаловался Малле дю Пану из Лондона: «Нас здесь семь или восемь, думающих, как вы, и вместе с вами. Архиепископы Бордо, Экса, Тулузы, господа де Буйе, Монлозье, Лалли, Пана – и всё! Что можно было сделать такого, что зависело бы от нас, и чем мы пренебрегли?»⁶ С другой стороны, Людовик XVIII отлично понимал, что у него не так много сторонников, чтобы ими разбрасываться, и пытался наладить отношения с наиболее влиятельными конституционными монархистами еще до начала своего царствования. Так, например, в феврале 1795 г. граф Прованский обратился к Мунье с пространном посланием, в котором изложил свое политическое кредо. Тон этого документа более чем умеренный. Ссылаясь на пример Генриха IV, который разгромил Лигу, но пощадил лигистов, Людовик обещал, что «если какие-либо чувства частной мести будут смешиваться с общим стремлением восстановить порядок, я сумею их подавить и использовать королевский авторитет, носителем которого являюсь, чтобы поддержать прочное равновесие между всеми подданными»⁷. Примерно в это же время принцы предлагали поступить к ним на службу другим монаршьякам – Малюэ и Монлозье⁸. Не торопясь отвечать согласием, те, в свою очередь, использовали любой способ, чтобы заявить о своем стремлении объединить контрреволюционные силы, полагая, что залог этого – единство целей⁹.

После объявления о смерти Людовика XVII, легитимисты по-прежнему продолжают курс на примирение. Установив контакт с Малле дю Паном, граф Б'Артуа запрашивает летом 1795 г. его мнение о ситуации во Франции, и Малле передает Людовику XVIII специально составленный меморандум, содержащий его размышления по основному кругу проблем, волновавших в то время короля в изгнании¹⁰, а Лалли-Толандаль

1 *Castries duc de*. Louis XVIII. Portrait d'un roi. P., 1969. P. 101.

2 Цит по.: *Thureau-Dangin P*. Op. cit. P. 58.

3 Шарль-Луи-Этьен, шевалье де Пана (1762-1834) – офицер французского военного флота, кавалер ордена Св. Людовика, участник Войны за независимость США. С 1792 г. в эмиграции.

4 *Londres, janvier 1796 // Malouet P.V. Mémoires de M. Malouet publiés par son petit fils le baron Malouet*. P., 1874. Vol. 2. P. 458.

5 *Londres, le 4 mai 1797 // Ibid*. P. 514.

6 *Londres, le 4 décembre 1795 // Ibid*. P. 448.

7 *Louis XVIII*. Lettre du Roi Louis XVIII à M. Mounier, ex-Président de la 1re Assemblée constituante. Vêrone, février 1795. Bordeaux, Imp. de F. Degréteau, s.d. P. 5, 7.

8 *Malouet P.V*. Op. cit. P. 422.

9 *Сергиенко В.Ю.* Французская революция глазами конституционных монархистов... С. 195.

10 *Mallet du Pan J*. Mémoires et correspondance de Mallet du Pan pour servir à l'histoire de la Révolution française recueillis et mis en ordre par A. Sayous. P., 1851. Vol. 2. P. 149-150.

через маршала де Кастри¹ отправляет в Верону свой проект декларации². Однако изучение этих документов наводит на мысль, что время для объединения еще не пришло, слишком разными были позиции обеих сторон. Король пока что не утратил своих иллюзий и надежд на скорую реставрацию монархии, а монаршьяны высказывали очевидно неприемлемые для легитимистов мысли – такие, как включенное Лалли в декларацию обещание договориться с «представителями французского народа». В итоге, Веронская декларация, изданная Людовиком XVIII при вступлении на престол, была принята конституционалистами весьма холодно. Малле дю Пан писал об этом в Вену:

«Провозглашенное этим принцем милосердие внесло свой вклад в ослабление предрассудков, однако по всем остальным пунктам он слишком далек от нынешнего состояния дел в королевстве, от состояния умов, перемен, реальных возможностей, которые многочисленны, но сущности и важности которых он не знает, благодаря своим советникам»³.

В ответ король через тех же самых советников высказывал несогласие с творениями монаршьянов⁴, в частности, с памфлетом Мунье «Адольф, или Базовые политические принципы и жестокие итоги опыта»⁵.

В подобных спорах проходят 1796 и 1797 годы. В 1796 г. бывший генеральный директор финансов Ж. Неккер, имевший репутацию конституционалиста, публикует книгу о Революции⁶, и это заставляет окружение короля вновь обратиться к осмыслению произошедшего во Франции и сформулировать свое отношение к различным течениям, принимавшим участие в Революции⁷. За передвижениями конституционных монархистов внимательно наблюдают, читают их публицистику, оценивают их шансы⁸. Тем временем, у монаршьянов, некогда активно влиявших на политику Учредительного собрания, выкристаллизовывался относительно единый политический проект уже эпохи эмиграции. В основе его лежало безусловное стремление к реставрации монархии в ее «умеренной» форме, приверженность принципам представительного правления и разделения властей, уважение к правам и свободам. Они выступали за сильную королевскую власть, восстановление сословной структуры общества⁹, что, несомненно, сближало их с легитимистами.

Один из биографов Людовика XVIII, Ф. Мэнсел, полагает, что отношение монаршьянов к королю изменилось лишь к 1799 г., когда «характер Людовика, как умного, реалистичного, миролюбивого, мягкого, спокойного и все более умеренного принца, завоевал ему определенное уважение, по крайней мере, в политическом мире. Малюэ отныне мог публично восхвалять его, как принца с “мудрым и мягким характером” и, несомненно, “просвещенного”»¹⁰. Однако на самом деле это изменение происходит годом раньше, и инициатором его стал сам Людовик XVIII. Судя по всему, первый шаг навстречу был сделан им в письме к архиепископу Экса¹¹, после которого Малюэ обратился к монарху в марте 1798 г. со следующими словами:

«Я еще не был достаточно счастлив иметь примечательную возможность доказать Королю мою всецелую преданность, однако я надеюсь, что он предоставит мне ее, после того, как сможет проявиться безупречность моего усердия.

Я могу предложить Вашему Величеству лишь скромные таланты, однако они сопровождаются честными взглядами и отвагой.

Я не являюсь приверженцем ни одного образа мыслей из тех, что разделяют слуг Вашего Величества; я отвергаю лишь те из них, которые могут помешать интересам короля и замедлить восстановление порядка и мира во Франции»¹².

© Дмитрий Бовыкин 2003-2006

¹ Арман Шарль Огюстен де Ла Круа (1756-1842) – герцог де Кастри (1784), маршал, депутат от дворянства в Генеральных Штатах. С 1790 года в эмиграции.

² [Projet de la déclaration royale par Lally-Tollendal] // MAE. Vol. 588. 1790-1795. F. 390-398v.

³ Berne, le 30 août 1795 // Correspondance inédite de Mallet du Pan avec la cour de Vienne. P., 1884. Vol. 1. P. 293.

⁴ Mounier à Mallet du Pan. Weimar, le 13 novembre 1795 // *Malouet P.V.* Op. cit. P. 443.

⁵ *Mounier J.J.* Adolphe ou principes élémentaires de politique et les résultats les plus cruels de l'expérience. L., 1795.

⁶ *Necker J.* De la Révolution française. S.l., 1796. 2 vol.

⁷ MAE. 595. F. 70-153.

⁸ См., например: MAE. 639. F. 4-4v., 12-12v., 106.

⁹ *Сергиенко В.Ю.* Конституционные монархисты-эмигранты... С. 63-72.

¹⁰ *Mansel Ph.* Louis XVIII. Guilford, 1999. P. 135.

¹¹ Жан де Дьё-Реймон, Буагелен де Кюсе (1732-1804) – член Ассамблеи нотаблей (1787), депутат Генеральных штатов от духовенства, видный оратор, монаршьян. С 1792 г. в эмиграции, один из лидеров духовенства.

¹² Londres, le 23 mars 1798 // *Malouet P.V.* Op. cit. P. 524.

Эти слова Малуэ достаточно красноречивы, однако они, очевидно, лишены конкретики, которая позволяла бы судить о сходстве или различиях позиции Людовика XVIII и конституционалистов на данном этапе. Тем не менее, эта попытка установления более тесных отношений между ними приводит к тому, что год спустя, летом 1799 г., когда реставрация монархии казалась роялистам как никогда близкой, королю был направлен ряд проектов, которые как раз и позволяют обратиться к конкретике.

К этому времени между Людовиком XVIII и частью конституционалистов устанавливается показательное согласие. Монарх демонстративно приглашает на свадьбу дочери Людовика XVI со своим племянником депутата Генеральных штатов от третьего сословия де Гилерми¹, подписавшего клятву в Зале для игры в мяч, но не принявшего Конституцию 1791 г., и говорит «в характерном для него доброжелательном тоне: “Сегодня праздник всех французов, и мое счастье было бы полным, если бы я мог увидеть здесь всех, кто отличился отважной верностью Королю, моему брату”»². В свою очередь Малуэ направляет в издаваемый Малле дю Паном *Mercurie Britannique* большое письмо³, в котором как раз и дает Людовику XVIII процитированную Мэнселом характеристику. В ответной статье Малле хотя и не присоединился к комплиментам своего давнего друга, тем не менее заявил: «Каковы бы ни были решения Людовика XVIII, все лояльные французы должны им подчиниться»⁴.

В июле 1799 г. в секретариат короля поступает приписываемый Малуэ пространный текст, озаглавленный «Краткое изложение наиболее правильных способов ускорить и обеспечить восстановление Монархии во Франции»⁵. В нем привлекалось внимание короля к необходимости быть максимально осторожным, чтобы не отпугнуть потенциальных союзников внутри Франции, и высказывалось предостережение против возвращения к уничтоженным Революцией институтам, в частности, к институту генеральных откупщиков, парламентам и десятинам. Автор особо призывал монарха не отказываться от представительной формы правления, однако вместо того, чтобы сохранить ее в нынешнем виде или вернуться к практике созыва Генеральных штатов, было предложено создать совершенно новый орган – выборные Провинциальные собрания с правом совещательного голоса, избирающие депутатов Всеобщего собрания, уже действующего в масштабах всей страны. Предусматривалось также восстановление сословной структуры общества, возвращение национальных имуществ прежним собственникам и исключение цареубийц из положения об амнистии.

Вскоре к королю обращается еще один монаршьян – архиепископ Бордо⁶, решивший действовать через графа де Сен-Приста⁷, который фактически выполнял с 1797 по 1800 гг. при дворе Людовика XVIII роль первого министра и одновременно был хорошо знаком конституционалистам, поскольку служил министром еще в правительстве Неккера. В составленном для Людовика XVIII резюме предложений архиепископа говорилось:

«Момент признания Короля должен стать временем, когда будет издано воззвание, должное позволить французам узнать принципы управления, которыми станет руководствоваться Его Величество.

Представляется очевидным, что нынешнее деление на департаменты, нынешние суды и административные учреждения должны быть временно сохранены – так же, как и установленные налоги.

Не кажется мудрым провозглашать с самого начала восстановление в полном объеме десятины, сеньориальных прав, габели⁸: это оттолкнет народ.

Временное сохранение существующего ныне положения вещей даст время для того, чтобы решить, какие старые институты необходимо восстановить и какие новые учреждения заслуживают того, чтобы их сохранить, без того, чтобы каким бы то ни было образом покуситься на древнюю конституцию Королевства и административную власть Короля».

Речь здесь, очевидно, шла о так называемых фундаментальных законах французской монархии, ограничивавших, в частности, власть короля, что давало роялистам основание говорить о том, что Франции не нужна новая конституция, поскольку прекрасно работала старая. В документе же далее отмечалось, что Людовику XVIII следует сразу заявить о намерении восстановить эту древнюю конституцию, но не созывать в ближайшее время Генеральные штаты. Особо оговаривалась судьба национальных имуществ – признавалось, что сохранить

---

¹ Жан-Франсуа-Сезар, барон де Гилерми (1761-1829) – с октября 1791 г. в эмиграции и на службе графа Прованского.

² Gazette de Hambourg. 27 juin 1799.

³ Malouet à l'auteur de *Mercurie Britannique*. 25 juillet 1799 // *Malouet P.V.* Op. cit. P. 525-531.

⁴ *Mercurie britannique; ou Notices historiques et critiques sur les affaires du tems.* Par J. Mallet du Pan. L., 1799. Vol. III. № XXIV. 10 Août 1799. P. 470-471.

⁵ *Aperçu des Moyens les plus propres à accélérer & à consolidé le rétablissement de la Monarchie en France.* Juillet 1799. [Attribué à Malouet] // MAE. 595. 1799. F. 355-393v.

⁶ Жером-Мари Шампьян де Сисэ (1735-1810) – член Ассамблей нотаблей (1787, 1788), депутат Генеральных штатов от духовенства, монаршьян. С 1791 г. в эмиграции.

⁷ Франсуа Эмманюэль Гинар, граф де Сен-Прист (1735-1821) – при Старом порядке посол в Лиссабоне, Константинополе и Голландии, министр. Эмигрант, член Совета Людовика XVIII.

⁸ Габель – существовавший еще со Средних веков налог на соль.

их в руках нынешних владельцев невозможно, однако король может пообещать им справедливую компенсацию. Об амнистии говорилось, как о деле решенном и не заслуживающем дальнейших комментариев¹.

В дополнение к пересказу идей Шампюна де Сисэ граф де Сен-Прист отправил и свои комментарии к ним. Прежде всего, он подчеркивал, что Людовик XVIII и ранее не имел ничего против сохранения действовавших на тот момент налогов, командного состава в армии, а также судебных и административных кадров – после чисток и при условии назначения в соответствующие органы специальных гражданских и военных комиссаров. Также король не возражал и против сохранения деления страны на департаменты, поскольку оно позволяло покончить с привилегиями провинций, «выгодными, по большей части, Грандам и существовавшими за счет народа, который открыто на них жаловался». Соответственно, в этом плане предложения Шампюна де Сисэ не содержали для Сен-Приста ничего ни нового, ни спорного. Что же до идеи архиепископа созвать в будущем Генеральные штаты, то она казалась Сен-Присту разумной, хотя он и не был уверен, что восстановление сословий пройдет гладко².

Не ограничившись одним посланием, 16 сентября Шампюна де Сисэ направляет тому же Сен-Присту готовый набросок королевской декларации. Следов самого проекта декларации в архиве не сохранилось, однако кое-что мы знаем о ней со слов самого Сен-Приста. Помимо общих мест (провозглашения намерения покончить со злоупотреблениями путем реформ и стремления не допускать личную месть) самое любопытное из того, что содержалось в тексте – это обещание короля не вводить налоги сверх необходимого и без согласия народа, публиковать бюджет и самому служить «примером экономии»³. Адресуясь к Людовику XVIII, Сен-Прист отметил, что поддерживает декларацию, полагая ее «простой и искренней» и считая, что «Королю уместно и необходимо объясниться»⁴. Вместе с тем он отмечал, что пока еще не настало время, чтобы высказаться со всей определенностью о том, будут ли подтверждены гражданские браки и сохранена десятина вкупе с феодальными правами⁵, однако самое главное – это составить Декларацию в терминах «скорее энергичных, нежели патетичных», пусть даже это потребует «отказаться от полезных вещей, чтобы избежать длиннот». «Я не преминул бы, добавляет Сен-Прист, – пообещать нации всю свободу, которой он в состоянии воспользоваться»⁶.

Складывается впечатление, что архиепископ Бордо выбрал графа своим посредником не только в силу личного знакомства: ряд идей Шампюна де Сисэ едва ли не дословно повторял мысли Сен-Приста, высказанные тем несколько ранее. Так, например, еще в начале июня 1799 г. граф восхвалял новое территориальное деление страны, позволившее, наконец, покончить с привилегиями провинций⁷, высказывался за временное сохранение администрации всех уровней, кроме самого высшего, республиканского законодательства, командного состава армии и налоговой системы⁸.

Как и многие другие принципиальные политические документы, текст Шампюна де Сисэ был отправлен королем на отзыв его фавориту графу д'Аварэ⁹. Сравнение точек зрения двух приближенных Людовика XVIII, позволяет нам заметить отсутствие единства и среди легитимистов. Мемуар д'Аварэ начинался следующими словами:

«Я хотел бы избежать рассмотрения проекта декларации, предлагаемой г-ном Архиепископом Бордо, разве что, по меньшей мере, получив от него идеи новые и еще не высказанные доселе Королем в своей мудрости, а это, конечно же, не так. Я вижу множество нежелательных последствий и даже опасностей, если предоставить этому прелату право похвалиться столь редким свидетельством доверия Его Величества, что в нынешних обстоятельствах он не преминет сделать в полный голос, если не принять мер предосторожности».

© Дмитрий Бовыкин 2003-2006

¹ Analyse d'une lettre de M. L'Archevêque de Bordeaux à M. Le Comte de St. Priest du 9 aoust 1799 // MAE. 608. 1799. F. 13-13v. © Vive Liberta 2006

² Copie des observations de M. Le Cte de S^t. Priest sur la lettre de M. l'arch de Bordeaux du 9 aoust 1799 // MAE. 608. 1799. F. 39-40.

³ Analyse d'une projet de la déclaration envoyé par M. l'arch de Bordeaux. 16 7bre 1799 // MAE. 608. 1799. F. 15-16.

⁴ Письмо графа де Сен-Приста Людовику XVIII от 26 октября 1799 г. // Ibid. F. 18.

⁵ [Note attribuée à Saint-Priest]. De la main de Courvoisier // Ibid. F. 49.

⁶ Copie des observations de M. de St Priest sur les projets de déclaration envoyée par M. l'arch de Bordeaux le 16 7bre 1799. De la main de Courvoisier // Ibid. F. 41, 41v.

⁷ Mémoire rédigé par le comte de Saint-Priest pour le Roi. 5 juin 1799 // Lettres et instructions de Louis XVIII au comte de Saint-Priest. P., 1845. P. 67 et suiv.

⁸ Projet d'instruction du Roi à Monsieur, comte d'Artois, au cas où il arriverait en France comme précurseur de Sa Majesté. 5 juin 1799 // Ibid. P. 75-78.

⁹ Антуан Луи Франсуа де Безьяд, граф д'Аварэ (1759-1811) – организатор бегства графа Прованского за границу, затем капитан его гвардии, с 1799 г. герцог. Не занимал никаких административных постов, однако являлся ближайшим доверенным лицом Людовика XVIII, которого тот называл своим «вторым я».

Далее граф выразил уверенность, что проект содержит лишь «бессмысленные меры, общие места и идеи, от которых, как показывает опыт, лучше воздержаться». Кроме того, архиепископ поднял вопрос о декларации, считая необходимым ответить на опубликованное в начале сентября обращение Директории, а королю, по мнению д'Аварэ, негоже вступать с Директорией в письменную переписку. Мало того, проект Шампюна де Сисэ противоречит предыдущим заявлениям Людовика XVIII, в частности, Веронской декларации, где было дано торжественное обещание восстановить в полном объеме фундаментальные законы французской монархии. Здесь же не только обещается, что будут устранены злоупотребления, но и от имени короля заявляется:

«Я сделаю более того: испытывая радость от восстановления фундаментальных и самых главных основ конституции, я не стану возрождать те институты, которые со временем стали неэффективными и идут вразрез с желанием народов».

Однако что же означает это обещание, если не реформирование самой конституции и, следовательно, «новую революцию»? К тому же не существует институтов,

«которые не показались бы неэффективными либо партии конституционных монархистов, либо партии монаршендов, либо самой партии роялистов – одним словом, той или иной группировке, коим несть числа, которые разобщали Францию и продолжают вносить в нее раскол и которые подобная декларация заставит возродиться из пепла».

Не меньшее возмущение вызывает у д'Аварэ и формулировка «желания народа»:

«Кто в эти смутные времена выражает желания народа, если не факционеры? Это им обещает вверить себя Король? А если эти так называемые желания народа потребуют упразднения Генеральных штатов и магистратур, а если они потребуют возрождения двух палат и постоянно заседающего Национального собрания?»

Возмущение д'Аварэ вызвала и та часть декларации, которая касалась налогов и заслужила полное одобрение графа де Сен-Приста. С точки зрения фаворита короля только человек, который забыл, к чему привела публикация отчета Неккера¹, может предлагать Людовику XVIII регулярно публиковать бюджет, не говоря уже о том, что из проекта Шампюна де Сисэ совершенно не ясно, каким именно образом монарх должен устанавливать налоги с согласия подданных, если он не планирует в ближайшее время созывать Генеральные штаты.

Возникает ощущение любопытного парадокса: по мнению д'Аварэ, получается, что архиепископ Бордо одновременно умудрился и не написать ничего такого, что не было бы уже «высказано доселе Королем в своей мудрости», и вложить в свой текст множество мыслей, совершенно монарху не приличествующих. В определенной степени это объясняется тем, что значительная часть предложений, как и отмечал Сен-Прист, отнюдь не противоречила желаниям короля, выступавшего к тому времени за «мудрым образом умеренную монархию»². Однако идеи о том, что монархия должна опираться на мнение и согласие народа, а древние институты нуждаются в значительном реформировании, Людовиком XVIII отвергались, о чем он и не преминул сообщить Сен-Присту.

Отметив, что еще не принял решение касательно самой необходимости декларации, король прокомментировал Сен-Присту мемуар графа д'Аварэ следующим образом:

«Я не буду говорить о личности г-на архиепископа Бордо; мне кажется, что г-н д'Аварэ сказал по этому поводу примерно то, что и следовало сказать; я лишь добавлю, что он должен быть мне в некоторой степени благодарен за проявленную терпимость к его поведению в бытность министром [...]. Таким образом, если бы ко мне в руки попал проект архиепископа Бордо, исходящий лишь от него, я бы ограничился тем, что сказал бы: “Я думаю по-иному”».

Король подчеркивал, что прежде всего он не разделяет мысль о том, что раз нация, совершив Революцию, отвергла бывшие законы, то и новый порядок необходимо устанавливать, пребывая с ней в тесном контакте: Людовик XVIII решительно не желал сверять каждое преобразование с мнением народа, хотя и отмечал, что мудрое правительство должно его знать. Но, тем не менее, истинный государь для него – это государь милостью Божьей. Вместе с тем, король откровенно писал, что ему не кажется правильным уточнять в настоящий момент, каким именно образом древняя конституция королевства будет избавлена от недостатков³.

---

¹ Подробнее см.: *Пименова Л.А.* Публикация «Отчета королю» Ж. Неккера в 1781 г. (К истории формирования публичного политического пространства во Франции XVIII в.) // Памяти профессора А.В. Адо. Современные исследования о французской революции конца XVIII века. М., 2003.

² *Projet d'adresse conformément aux instructions données à Monsieur par le Roi. De la main de Courvoisier // MAE. 608. 1799. F. 80.*

³ *Observations du Roi sur le précédent mémoire de M. de Saint-Priest // Lettres et instructions de Louis XVIII au comte de Saint-Priest. P. 78-87.*

Воспользовавшись тем, что король не отверг саму мысль о принятии декларации еще в Митаве, где он пребывал в это время со своим двором, пользуясь гостеприимством Павла I, конституционные монархисты продолжали направлять Людовику XVIII свои проекты. На сей раз к государю обратился бывший фейян маркиз де Жокур¹. Он также заручился поддержкой графа де Сен-Приста, и хотя д'Аварэ не испытывал ни малейшего желания читать новый проект конституционалистов, и этот текст его не миновал.

Проект де Жокура в архиве короля также не сохранился, однако связанные с ним размышления д'Аварэ представляются, тем не менее, не лишены интереса. Один из первых вопросов, которые граф ставит перед королем – есть ли тому реально, что сказать: «Без сомнения, лучше хранить молчание, нежели потонуть в общих и ничего не значащих фразах». Разумеется, не сложно рассказать об общих контурах будущего временного управления Францией, поскольку в инструкциях, данных ранее графу д'Артуа и агентам во Франции, Людовик XVIII уже наметил его основы, однако ограничиться этим означает «вновь позволить недоброжелателям говорить, что этот временный режим станет лишь переходом от нынешнего к Старому порядку». В то же время, и рецепт де Жокура графа не устраивает:

«Конечно, Король может предвосхитить эту ложь, объявив, как это предлагает маркиз де Жокур, что он соберет Генеральные штаты, чтобы вместе с ними решить, что будет полезным сохранить от различных форм правления, существовавших с начала революции. Однако, на мой взгляд, это ясное и простое заявление будет иметь два нежелательных последствия. С одной стороны, оно поставит Короля в слишком большую зависимость от Генеральных штатов, чей скорый созыв он, помимо всего прочего, будет вынужден назначить, а с другой, оно вызовет слишком много опасений и истинных роялистов и слишком много надежд у новаторов всех сортов».

Созыв Генеральных штатов видится д'Аварэ возможным и даже желательным лишь в отдаленной перспективе; пока же он предлагает, чтобы высказанные в декларации общие принципы «послужили полем для объединения всех крайних партий». Конкретики же следует поелику возможно избегать, «поскольку существует равная опасность сказать слишком много», взять на себя определенные обязательства, «и сказать слишком мало», что покажется народу попыткой его обмануть, а роялистам внушит опасения, что король, напротив, стремится угодить своим подданным.

Если оставить в стороне определенную непоследовательность графа д'Аварэ, начавшего с того, что публикация общих рассуждений довольно бессмысленна, и закончившего призывом избегать конкретики, то картина в целом представляется довольно ясной: в ожидании скорого прихода Людовика XVIII к власти во Франции конституционалисты старались связать его обещаниями, которые затем пришлось бы выполнять, а ближайшее окружение монарха, напротив, всеми силами стремилось этого избежать. И самым лучшим аргументом в пользу того, чтобы не торопиться с какой бы то ни было декларацией, виделся следующий: пока король и в самом деле не окажется на территории Франции, пока не станет ясно, каким образом и при каких обстоятельствах это произойдет, нет никакого резона спешить. Д'Аварэ и сам был в этом убежден, и пытался убедить своего государя:

«При нынешнем положении дел принятие декларации видится мне невозможным. Если в ней не будет ничего, кроме общих мест, проходных фраз, расплывчатых обещаний, ее будет не трудно выставить в ложном свете. А это означает, что нужно прощать, угрожать, брать на себя определенные обязательства, по крайней мере, очерчивать основы будущего временного порядка управления. Одним словом, поскольку декларация – это акт королевской воли, в ней требуется и говорить по-королевски. Однако подобный язык производил бы надлежащее впечатление, если бы Его Величество уже был на территории своей страны или готовился на нее вступить, а как можно его придерживаться в Митаве? Может ли Король, находясь за 600 лье от своего королевства, в своего рода почетном плену, направлять своим подданным законы, способные одних ободрить, у других вызвать страх и при этом произвести на всех сильное впечатление?»²

В конечном итоге Людовик XVIII пришел к мысли о том, что принимать какую бы то ни было декларацию до того, как он окажется на территории Франции или хотя бы приблизится к ее границам, не имеет смысла: слишком многое может еще измениться. Тем не менее, обсуждение политических проектов конституционных монархистов во второй половине 1799 г. предоставляет редкую возможность сравнить точки зрения легитимистов и конституционалистов. Первое, что бросается в глаза: отторжение на личном плане отнюдь еще не было изжито. И не только архиепископ Бордо казался окружению короля довольно одиозной фигурой – в отношении других также существовала по меньшей мере настороженность. Не случайно, например, высказав в письме графу де Сен-Присту немало комплиментов в адрес Малле дю Пана, король далее говорит о том, что до конца в нем не уверен и заканчивает довольно показательной фразой: «Я предпочел бы его молчание его услугам»³.

---

¹ Франсуа-Арнай, маркиз де Жокур (1757-1852) – бывший полковник драгун Конде, депутат Законодательного собрания. После 10 августа 1792 г. оказался в тюрьме. Освобожден благодаря заступничеству мадам де Сталь, эмигрировал.

² [Note d'Avaray] // Ibid. F. 54-54v.

³ Observations du Roi... P. 83.

Вместе с тем, и сами легитимисты не были едины: практические советы, которые давали государю более либеральные и более консервативные придворные отличались весьма существенно. Тем неожиданнее оказывается, что в теоретическом плане у легитимистов в целом (особенно если брать за точку отсчета позицию самого короля) куда больше общего с конституционалистами, чем этого можно было бы ожидать. Они жестко предостерегали против возвращения к Старому порядку и «деспотизму», но и Людовик XVIII не уставал повторять, что стремится вернуть не Старый порядок, а фундаментальные законы монархии¹. Сословная структура общества, отказ цареубийцам в помиловании, возвращение конфискованных земель прежним владельцам – множество принципиальных деталей совпадали в планах и тех, и других. Монаршьяны выступали за сохранение части наиболее удачных революционных преобразований, однако и король не стремился, по крайней мере в первое время, реформировать налоговую и административную систему, планировал сохранить деление на департаменты и республиканские офицерские кадры. Даже сама идея дать стране писаную конституцию не вызывала у государя протеста, хотя он и понимал под ней, по большей части, древнюю конституцию страны, изложенную на бумаге.

По большому счету, расхождения преимущественно касались тактики (Людовик XVIII не стремился добровольно связывать себе руки какими бы то ни было обязательствами, тем более заранее) и ряда стратегических моментов, самым важным из которых было желание легитимистов максимально сохранить фундаментальные законы монархии, устранив одни только злоупотребления, а также негативное отношение к столь ценимому конституционалистами принципу представительства. Здесь окружение короля занимало гораздо более осторожную позицию, признавая лишь необходимость созвать Генеральные штаты, да и то в отдаленной перспективе.

То, что Людовик XVIII и конституционные монархисты не были такими непримиримыми врагами, как их нередко изображают историки, показывает и их дальнейшая судьба: после Реставрации Малуэ становится Морским министром, Лалли-Толандаль отправляется с Людовиком XVIII в Гент в качестве Министра народного просвещения и члена его Совета, а затем становится пэром Франции и маркизом, Монлозье получает титул графа, Жокур также сопровождает монарха в Гент, становится министром, пэром Франции, членом королевского Совета. Их судьба отнюдь не уникальна. И все же путь к этому сближению начинается гораздо раньше, уже в первые годы правления Людовика XVIII, когда роялисты, разделяющие разные взгляды на дальнейшее развитие монархии, приступили к диалогу, и непримиримая вражда начала постепенно уходить в прошлое.

Статья подготовлена для сайта [Vive Liberta](#)

Д. Бовыкиным, А. Алексеевой

© Дмитрий Бовыкин 2003-2006
© Vive Liberta 2006

---

¹ Premieres instructions générales à M. le Comte de Moutiers. Verone, le 20 mars 1796 // MAE. 625. 1796. F. 108v.